

Ирина Ярич

Впечатления

Ирина Ярич

Впечатления

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68742279

SelfPub; 2023

Аннотация

Вниманию читателей сборник, созданный в 2017 году. Впечатления от той или иной работы, от людей, встреченных в разных учреждениях, транспорте и просто на улице легли в основу рассказов и миниатюр сборника. Приятного чтения.

Содержание

Птицефабрика	5
I	6
II	15
III	19
IV	24
V	29
VI	34
VII	36
Пофигизм или ...	47
Промолчавшая	51
Из услышанного и увиденного в 2017 году	54
Последовательность автобусных остановок	54
История одного увольнения в 2017 г.	56
Канцтоваров нет, да и не только их ...	59
Старые и никому не нужные	60
Вальс влюблённых	64
Тихий и бесконфликтный	66
Несовместимое совместилось	69
Девушка, 1990 года рождения	70
Школа	74
Родители	80
Пассажиры	81
Ненавистные контролеры	83

Ирина Ярич

Впечатления

(сборник рассказов и миниатюр)

Птицефабрика

(невыдуманная история нашего времени)

I

Сегодня испробовала новый для себя способ загрузки опилок. Моя наставница Александра взяла две большие палки. Оказалось, это носилки. Между палками прикреплена какая-то ткань. В прошлую смену она говорила, что иногда опилки переносят на носилках, но я думала, что меня эта участь минует. Не миновала.

– Иди насыпай, а я пойду за второй лопатой, – Александра вручила мне палки, как победный стяг.

Осторожно обхватила я ношу, которая почти в два раза выше меня, и направилась к закутку, где продолговатой горой желтели опилки.

Когда подошла Александра, я чуть не с гордостью ожидала, ведь к её приходу я уже наполнила носилки. Но...

– Ещё сыпь, – бросила Александра и принялась загребать своей лопатой.

Благо я в выходной день купила респиратор и прозрачные очки в магазине «Спецодежда», а то бы задохнулась от пыли и мелкой опилочной трухи и засорила глаза. Замечу, что остальные: Александра и другие птицеводы работают без защитных очков, маски и перчаток.

Насыпаем мы опилки, а горка на носилках мне напоминает могилку, по размеру в самый раз. Как бы мне не загреть туда на что похожа наша поклажа. Продолжаем про-

цесс. Ассоциации почти те же, на носилках растёт холмик, точь в точь – могильный. Александра разровняла холмик и продолжила насыпать, и мне пришлось тоже. Это уже «саркофаг».

Александра оставила лопату, повернулась спиной к носилкам. Значит, предстоит следующий этап экзекуции. Я в ужасе, потому что сомневаюсь, что поднимем такую махину груза. В опилках ощупью нахожу ручки носилок. Рывок вверх. Удивительно, но поднять удаётся. Тяжело, как бы с ними не завалиться, да ещё цыплята под ногами...

– Живей, – говорит Александра.

– Я боюсь наступить!

– Я дорогу расчищаю.

Да, Александра, как ледокол вклинилась в практически сплошную поверхность из тысяч цыплячьих тел, которые следуют за «мамой», то есть за нами, они сгрудились и с любопытством наблюдают на нашими действиями.

Идём вдоль одной из двух центральных линий поилок. Прошли почти половину расстояния до выхода.

– Опускай руку, – последовала команда Александры. Она наклонила левую руку, потрянула ею, и часть опилок просыпалась слева от нас между двумя поилками.

Так мы шли дальше, пока носилки не опустели.

– Неси, а я разбросаю, – сказала Александра, вручая мне две палки носилок. Сама же принялась горки опилок, которые образовались, ногами расшвыривать и разравнивать бо-

лее-менее равномерно под и вокруг поилок.

Выбирая, где меньше скопилось цыплят, я пробиралась, на пути приоткрывая респиратор, чтобы легче дышать. В помещении датчики показывали двадцать семь-двадцать восемь градусов тепла. Пот стекал со лба на веки и струился по пыльным щекам.

Широкие деревянные лопаты опять и опять загребают. На ткань носилок сыпется порция за порцией опилок и растёт «могилка», затем «могильный холмик», когда масса по форме напоминает «саркофаг», мы несём высыпать вдоль линии поилок, а их всего на четырёх линиях сто девяносто две.

Время приближается к обеду. Цыплята утомились бегать за нами и повалились в изнеможении. На некоторых из них пришлось опилки просыпать. Я опасалась, что это ухудшит их здоровье и увеличится падёж. Ветеринарный врач сказала, что не стоит на это обращать внимания, работать-то надо, каждого не отгонишь, от опилок не умирают. Отчего же тогда? Мы в прошлую смену собрали полтора десятка мёртвых, один из них был почти плоский, будто катком проехали, то есть цыплятки по нём прошли, а возможно и спали, как никак их тут (в одном этом помещении) около семнадцати тысяч. В предыдущую нашей смену, погибло уже сорок девять.

Перед тем, как уйти на обед Александра сказала: «с обеда продолжим». Я переспросила: «после обеда»? Наставница повторила: «с обеда». Я так и не понял: когда? Поразмыс-

лив, что до обеда уже не успеем, значит – после.

Да, верно, после обеда экзекуция продолжилась. Добавив опилки под поилки и вокруг них, пришлось ещё почистить от залетевших опилок кормушки, а их тоже сто девяносто две и к каждой надо наклониться. Пока нас двое, а каково одному всё это проделывать?! На этот раз пришлось прочищать не все кормушки, а самые засыпанные. Пот прокладывал дорожки по запылённому телу. Опилки оказались даже внутри карманов, в бюстгальтере, в тапочках и сквозь носки покалывали ступни. Пришлось вычищать, вытряхивать. Опилки залетели, когда мы орудовали лопатами. Спецодежда стала сырой от пота, а местами мокрой.

К сожалению, цыплята продолжали умирать, к 14.20 мы собрали тринадцать штук уже остывших, хотя около девяти утра их было только три. Когда успели умереть, а главное почему?!

– Что сказали ветврачи? – спросила у Александры после ухода исполняющего обязанности главного ветеринарного врача и другого, прикреплённого к зоне выращивания.

– Вот будешь одна работать и спросишь у них, – улыбнулась Александра.

Я смотрела на неё и пыталась определить возраст. Морщины врезались в кожу и видны даже, когда нет мимики и лицо спокойно. Неужели ей за шестьдесят? Нет, наверное, меньше, ощущается молодость, а, возможно, это природная физическая сила. Может быть, лет пятьдесят восемь?

Трудно сказать, но явно пенсионного возраста. Ей идёт короткая стрижка. Когда-то русые волосы пересыпаны сединой с остатками какой-то светлой краски. Утром голубоватые тени уже стёрлись, скорей всего их смыл пот. После процедуры ношения и ссыпания опилок заметно утомление, но не ухудшение настроения или упадок духа. Александра не многословна, бывает, отмалчивается или уходит от ответов, а иногда отвечает охотно.

У меня сложилось впечатление, что работники (птицеводы и ветврачи) что-то скрывают, недоговаривают, что-то своего рода неформальное, а, возможно, и не осознанное корпоративное братство, чтобы не выкладывать человеку, которого не знают, всю подноготную специфику. А, быть может, сами точно не могут определить причину падёжа цыплят. Не исключено, что многовато добавляют антибиотиков, их смешивают с водой в специальной системе, которая подаёт жидкость в поилки. Конечно, всё делается не абы как, а по определённой схеме и часть процессов с помощью автоматики от поддержания температурного режима в зависимости от возраста цыплят, а точнее суток их выращивания до перевода по возрастным группам: инкубатор, цыплята до сорока дней, потом до трёх месяцев. Затем их отлавливают и увозят на забой.

Отдельный «двор», на профессиональном сленге птицефабрики, или «домик», как я называю, состоит из большого прямоугольного помещения, где растут цыплята, малень-

кой бытовки, где находятся стенды с приборами, которые сильно гудят, в том числе и те, что показывают температуру, влажность в птичнике, имеется стол и металлический шкаф (где-то один, в некоторых «дворах» их два) для птицеводов. Перед входом в птичник есть комната, где моют переносные кормушки и сетки, которые ограждают маленьких цыплят в загончики, а также сбоку двери в небольшие комнаты. В одной стоят чистые сетки, дополнительные кормушки и поилки, в других установлены агрегаты, поддающие тёплый воздух в птичник, вентиляционная система. Внешне все «домики-дворы» выглядят одинаково, но внутри расположение комнат, устройство приборов и агрегатов в них по-разному. Отличаются и бытовки, конечно, ни в одной нет никаких условий для отдыха и расслабления птицеводов от напряжённой физической работы. Нет ни стула с мягким сиденьем, ни кресла, ни диванчика, а только деревянные лавки без спинок (две-три) и табуретка.

Сегодня цыплятам в нашем «домике» идут четырнадцатые сутки. Когда я пришла на первую смену, шли девятые сутки. За эти дни они существенно подросли, больше стало перьев, а жёлто-сероватого пушка меньше. Цыплята пытаются летать, чаще во время бега, будто набирают высоту и вот-вот взмоют ввысь под потолок. Но пробежка со взмахами крыльев заканчивается неспешной ходьбой.

Когда идёшь вперёд, обгоняя всю массу цыплят, оборачиваешься, а за тобой накатывает лавина, по всему помеще-

нию спешат пернатые. Желтовато-белёлая волна из множества птенцов обступает и подступает к ногам, стоит лишь остановиться на несколько секунд. Если же пойдёшь в другую любую сторону, то вслед, как железные опилки тянутся к магниту, тесня друг друга, так и цыплята, обгоняя и тесня своих собратьев, следуют по пятам и колышутся плотной массой в зависимости от направления твоего движения.

Когда же выходишь, то большинство скапливается у выхода, и смотрят на дверь. Потом, через некоторое время часть из них утомлённые гонкой укладываются отдыхать на опилки, некоторые засыпают так крепко, что непонятно живы ещё или уже нет, пока не поворошишь, тогда открывают глаза, поднимаются, и качаясь спросонья, идут сами не понимая куда, пока не находят кормушку с комбикормом или поилку и принимаются клевать или пить. Некоторые копают себе ямки в опилках лёжа и что-то выискивают, видимо, согласно инстинкту ищут червячков в земле. Другие, поворачивая от двери, направляются сразу к кормушкам или поилкам, а кто покрепче разминаются в беге и предполагаемом, но неосуществимом полёте.

Мне на днях встретилась знакомая, пожаловалась, что оплата фитнеса, куда она ходит по три раза в неделю для похудения, возросла.

– Иди, Наташа, к нам на птицефабрику и не надо тратить-ся на фитнес и до оупения проливать пот на тренажёрах.

– Ты, Светка, что с ума сошла? Птицефабрика не для ме-

ня!

А я подумала, что и мне придётся уходить раньше, чем предполагала. Но Наташе говорить об этом пока не стала. Может быть, удастся сработаться на новом месте.

– А мясо индюшачье любишь? Вон в пакете упаковка с логотипом нашей птицефабрики.

– Сочувствую тебе, Свет, но сама знаешь, у меня есть возможности получше.

– Да уж, – усмехнулась я, потому что с такими способностями как у Натальи занимаются только неквалифицированным трудом, однако же, она «специалист» в одном из структурных подразделений Администрации района. – Зря, – продолжала я, – Ты в своём фитнесе месяцами не можешь сбросить лишний вес, а я за две дневные смены и одну суточную похудела на два килограмма. Ты думаешь-думаешь, чтобы такое сделать для уменьшения аппетита. А у меня от жары в птичнике и от физических нагрузок аппетит сам собой сократился.

– А, что у вас батареи хорошо греют? У нас плохо, приходится обогреватель включать.

– О, бедненькие вы, бедненькие! А в птичнике, слава Богу не как в Сахаре, но маленьким цыплятам надо воздух обогревать, так что первые девять суток температура постепенно изменяется с тридцати одного с половиной градуса по Цельсию до тридцати.

– Ого! Тропики!

– Скорее субтропики. Так, что давай к нам, пока есть вакансии.

– А, зимой там тоже жарко?

– Сейчас, что не зима? Позавчера было двадцать два градуса мороза, а в птичнике в среднем тридцать жары. Представляешь, в пятьдесят два градуса разница! В среднем, потому что там помещение большое и висят четыре датчика, в разных местах температура отличается, зависит от разных факторов, в том числе и от скопления цыплят, и от работы вентиляции. В общем, автоматика регулирует сама, но птицевод контролирует тоже, если надо вносит изменения.

– Да, у вас там круглый год – лето!

– Куда там, круглый год – курорт!

II

В первую мою дневную смену меня поставили на стажировку к Константину. Цыплята находились в ограждённых округлых загончиках. В каждом из них по три поилки и четыре переносные кормушки. После мороза мне показалось там очень жарко и душно, и через несколько минут я стала задыхаться. А предстояло работать! Что-то делать в таком пекле! И вскоре выяснилось, что именно: наполнять кормушки комбикормом. Константин, уже не молодой, похоже за пятьдесят, среднего роста и худощавый, предварительно загребал из огромной ёмкости и носил двумя большими вёдрами, килограмм на двадцать каждое через всё помещение, чтобы наполнить сначала дальние от входа кормушки. Мы с ним пересыпали в десятилитровые вёдра, он отправлялся за следующей порцией, а я рассыпала по кормушкам. Когда я не успевала освободить вёдра, то Константин тоже высыпал. Длина помещения около ста семидесяти шагов, небольших, но всё же. Скоро начала ныть поясница, а работа только началась.

Казалось, что кормушки никогда не закончатся. Чтобы зайти в загончик надо переступить металлическую сетку – ограждение, следовательно, тяжёлое ведро надо приподнять и успеть поставить ногу, пока под неё не прибежал цыплёнок. Однажды, уже через несколько дней я нечаянно почти

наступила, то есть только поставила ногу на пятку и стала опускать, и в тот же момент туда побежал цыплёнок. Я почувствовала, что под ногой что-то есть, благо я не опустила её полностью и не встала, а только придавила немного. Всё произошло за доли секунды. Взяла цыплёнка, он, как ни в чём не бывало, озирался и смотрел на меня. Опустила на пол, но в другой загончик к более слабым, он пошёл нормально. Но дальнейшую его судьбу трудно проследить, цыплята для меня все похожи и трудно отличить одного от другого.

Руки отваливались, пальцы с трудом удерживали ручки ведёр, спина ломилась, поясница ныла, и я опасалась, что рухну с ведром комбикорма на цыплят и уже очень сомневалась, что выживу от такой работы.

С раскрасневшимся, почти пурпурным лицом, учащённым дыханием и едва держась на ногах, я выбралась из птичника после того как заполнили все кормушки. Константин тоже был утомлён, хотя старался не показывать этого. Но и на его лице всё же отражалась усталость.

После перерыва, особенно после обеда, приятно дешёвого и вполне съедобного, даже местами вкусного работа почти перестала пугать, хотя сомнения в своей выживаемости ещё остались.

Константин ездил на работу из села, расположенного более чем в двадцати километрах от птицефабрики и автобусы оттуда ходят редко. Раньше это село являлось одним из крупных сельскохозяйственных центров района, теперь же

там работы практически не осталось. Из преимуществ, которые удерживают Константина на птицефабрики, несмотря на то, что его слесаря, как и других, перевели в птицеводы, это оплата транспортных расходов и почти символическая плата за обед – двадцать рублей.

Конечно, выбора блюд нет, что приготовили, то и ешь, если хочешь. Комплексный обед. Надо признать, что каждый день меню не повторяется. Первые и вторые блюда готовят на основе того, кого выращивают – из индейки.

Вторым испытанием в тот же день стала насыпка опилок в мешки, которые Константин намеревался вечером рассыпать в загончики у поилок и под ноги цыплятам, чтобы им было теплее и, чтобы было где покопаться, да и присыпать их «отходы жизнедеятельности». Я оказалась выше мешков на голову, некоторых ещё меньше, поэтому пришлось держать каждый мешок практически перед своим лицом. Константин загребал опилки широкой деревянной лопатой и пересыпал в мешок.

После каждого ворошения опилок и высыпания поднимался вихрь мельчайшей трухи и пыли. Отворачивала лицо и прикрывала глаза, но не помогало. Ещё первый мешок не успели наполнить, а у меня уже запершило в горле. Мы насыпали мешков десять не меньше.

Рядом у торцевой стены лежали стопки полупрессованных опилок в прозрачных мешках.

– Почему эти не взять? – спросила я у Константина.

– Они очень тяжёлые.

В этом я скоро убедилась. Надо было вытаскивать и сбрасывать их, подвигать к Константину. Тот разрывал плёнку и высыпал, что было гораздо тяжелее, вытряхивал опилки из неподъёмных мешков. Вырастала гора, вдоль дальней от выхода торцевой стены. Я предположила, то был запас для следующей смены и частично использованный нами.

Когда я шла от проходной к остановке автобуса, то у меня возникло ощущение, что попала на каторгу. Говорить стало трудно, в горле пересыхало и першило. На следующее утро заметила прыщ, потом другой – от многочасового нахождения среди пыли и пота. Это не все последствия, появилось какое-то странное покашливание и закончилось после того, как выплюнула зеленоватый сгусток мокроты. Как бы, не навредить лёгким и бронхам?

III

На птицефабрику на собеседование в отдел кадров впервые поехала, не зная дороги, то есть в интернете выяснила адрес и каким рейсовым автобусом ехать. Но в той деревне оказалось четыре остановки, на какой их них надо выходить, не известно. К тому же решила ехать к началу рабочего дня, чтобы определить, как и сколько добираться до предполагаемого места работы.

Зима. Утром ещё темно. В автобусе остановки не объявляют и где же выходить? Обратилась к водителю:

– Подскажите, где выходить, чтобы ближе к птицефабрике?

– Там почти весь автобус выйдет, – сказал он, выдавая мне билет.

За окнами сплошная темнота чередовалась с тёмно-серыми прогалинами – заснеженными полянками. Иногда мимо проносились кривые светлые линии разной толщины – заснеженные ветви леса, что тянулся вдоль дороги.

Действительно, минут через двадцать на очередной остановке вышло из автобуса большинство пассажиров. Толпа перешла дорогу, и многие вырвались вперёд, видимо, чтобы не опоздать. Это в будни. В воскресенье видела, как толпа шла спокойнее и не торопилась. Через несколько десятков метров пути воздух изменился. Ощущался какой-то трудно-

определимый запах, сказать, что был приятным нельзя.

Когда подошла к проходной, а время пути от остановки занял десять минут, люда, что шёл впереди, уже не осталось, лишь на автостоянке замерли машины. Я подумала, что нет ещё и восьми, а большинство уже на работе. Рвение или вынужденная необходимость?

В отделе кадров заведующая встретила любезно. Сначала, мол, может показаться тяжело, а потом втянитесь. Если же не понравится, то в выходные дни поищите другую работу. Позвонила начальнику зоны «А», чтобы та показала и рассказала суть должностных обязанностей. Объяснила, как туда пройти, куда повернуть, чтобы добраться.

На территории воздух более насыщен странным запахом, не поддающимся определению. До назначенного места пришлось идти часть пути по дороге среди леса, но от этого воздух не особо посвежел. Прошла ещё две проходные. Путь от первой, главной проходной до третьей занял двадцать пять минут.

Навстречу мне шла худощавая женщина. Не знаю, сколько ей лет, но выглядела явно за шестьдесят, возможно, даже ближе к семидесяти. Повела в «домик». Оттуда пахло специфическим запахом, точнее смешение запахов: цыплят, а у них есть свой запах, их помёт, опилок, комбикорма и, возможно, ещё чего-то. Открыла дверь в центре «холла» и предстало огромное прямоугольное помещение, где рядами висят какие-то устройства, как потом узнала это поилки и кор-

мушки, а между ними всё пространство занимали цыплята. Казалось необозримое количество и все устремили взгляды на тебя! На голоса к открытой двери помчалась вся масса пернатых: тысячи и тысячи! Как же туда входить? Они так плотно столпились, что ногу поставить некуда! И ещё оттуда пахло жаром или мне показалось после мороза...

Да, начальник, Вера Петровна не скрывала, что работать здесь тяжело, что надо мыть кормушки и поилки, в первые девять суток жизни цыплят надо сыпать комбикорм вручную, к тому же каждую смену рассыпать опилки. Только она не сказала насколько это всё тяжело. А перечисления не показались такими уж тяжкими. Вера Петровна не дополнила, что вручную надо перенести комбикорма не десятки, а сотни килограммов в суточную рабочую смену; рассыпать десятки килограммов опилок; чтобы помыть поилки, слить из них загрязнённую воду с лекарством или витаминами и очистить кормушки от опилок и помёта придётся нагнуться минимум шесть сотен раз и всё это при температуре в лучшем случае около трёх десятков градусов, когда цыплята подрастут, а первые дни температура составляет в среднем не менее тридцати одного с половиной градуса.

Что же понять можно, работников не хватает, что при такой малой зарплате и подобных условиях труда не удивительно, поэтому, мол, пусть хоть кто-то и хоть сколько поработает, тем самым облегчит труд другим.

Трудности меня никогда не пугали, и на этот раз решила

поработать, но, если для организма станет опасно, то, конечно, уйду.

На обратном пути, когда возвращалась в отдел кадров, сзади услышала шаги. Двое рабочих обогнали меня, они несли лопаты. Один из них куда-то свернул и быстро потерялся из вида. Другой, намного старше, лет около семидесяти или и того больше (замечу, что работники физического труда здесь выглядят старше своих лет, поэтому трудно определить истинный возраст) почти поравнялся со мной и оказался любопытным и разговорчивым. Не могу привести весь диалог полностью, потому что его речь большую часть составляли нецензурные слова.

После того, как он услышал ответ на свой вопрос: «Куда устраиваешься?» издал такой возглас, который выражал не только неодобрение, но и предупреждение и сочувствие. Потом разоткровенничался, что цыплятадохнут, причём много и, что врач плохой, потому что сам не знает какое давать лекарство. В общем, судя по его тону, напрашивался вывод, что работа не только не перспективная и не прибыльная, а ещё и спрос чрезмерный.

Мужчина свернул в какое-то приземистое здание, а я шла и думала: «Может быть, это знак и не стоит сюда устраиваться, а уйти сразу?» Неспроста мне встретился этот человек, наверняка это было предостережение и, возможно, в его словах и интонациях истинное настроение работников птицефабрики – недовольство, неуважение. Никому не нравится

тут работать, но в силу разных причин вынуждены терпеть.

Но я не ушла сразу, быть может, и зря, потому что всё же ушла потом.

IV

На второй рабочий день вышла опять в дневную смену по распоряжению Веры Петровны. Когда пришла в тот же «домик-двор» № 24 там уже работа кипела. После предыдущих суток остался Константин, пришёл на помощь парень из «двора» № 23. Третьей была Зина, моя очередная наставница – молодая, маленькая и худощавая, от которой слегка пахивало спиртным. В тот день выпускали цыплят из загончиков. Это большая и трудоёмкая процедура.

Загончики представляли собой соединение сеток, каждая высотой до полуметра и длиной до метра, скреплённых пластиковыми жгутами. Надо жгуты перерезать, сетки сложить вдоль стен, потом их вынести, чтобы помыть. Также убрать переносные кормушки, потом их помыть. Этим мы и занимались с утра.

Сетки металлические и две-три сетки лёгкие, но стопка, шириной в десять сантиметров уже тяжёлая, а под ногами, как обычно стоят или лежат, или носятся цыплята. Сетки и кормушки выносили в «холл». Сетки предварительно отряхивали от налипших кусков помёта с опилками, потом по несколько штук клали в ванну с каким-то моющим и дезинфицирующим раствором. С таким же раствором стояла пластиковая бочка, куда я погружала переносные дополнительные кормушки. Благо не пришлось тереть долго. Всё что на-

липло, растворялось или выпадало в осадок. Каждую порцию сеток оставляли в ванной на двадцать-тридцать минут.

Мои хозяйственные резиновые перчатки быстро проткнула проволока, из которой сделаны сетки и в перчатки попал раствор, от которого у меня потом много часов горели руки, особенно подушечки пальцев и ладони.

Несмотря на относительно миниатюрную комплекцию, Зина пальцами каждой руки подцепляла по три-четыре кормушки и ещё по одной подхватывала под руки. Я же удерживала и выносила из птичника только четыре кормушки. Ставили у бочки, пока те, что в ней отмокали.

До конца дневной смены девяносто кормушек перемыла. В комнате, где хранились разные приспособления для птичника, возле одной из стен выросла стопка чистых сеток для загончиков высотой почти в полтора метра.

К концу своей рабочей смены несколько раз подмела бытовку и «холл» от грязных опилок, что налипали пластами на подошву обуви. Зина водила меня в комнаты, где расположены агрегаты, которые нагнетают в птичник тёплый воздух, показывала какую кнопку включать, если оба или один из них отключатся. Сказала, что нужно открывать окно в зависимости от температуры в птичнике.

У меня всё это не очень откладывалось. Все проделанные манипуляции казались хаотичными и не выстраивались в определённую и понятную схему действий. Мне бы инструкцию, где расписано, что и когда делать. Зина сказала,

что такой инструкции нет и надо смотреть по цыплятам. Это же потом подтвердила Александра и Аня. Но так ориентироваться может только работник, исходя из опыта. Новичок, незнакомый с выращиваем цыплят, откуда узнает, что и когда сделать, чтобы для них стало полезней? Надо проработать не менее двух недель, а лучше ещё дольше, чтобы новые хаотичные сведения начали утрясаться в некую схему и определённую последовательность действий.

Потом, когда начнёшь работать одна возникают панические моменты и за советом надо бежать к более опытным. Может случиться любая поломка, вплоть до отключения света, и вся автоматика останавливается, а птиц внезапно накрывает мрак. Это редкий случай, но не невозможный.

У Константина спрашивала, заплатят ли ему за переработку, ведь он задержался после окончания своей смены более, чем на три часа.

– Здесь не оплачивают.

– Как? Что же вы в своё личное время работали бесплатно?

– Работаю на этом «дворе», сегодня выпускали. Один не справится.

Более, чем лаконичный ответ меня не убедил и по-прежнему не ясен принцип зачем надо оставаться работать бесплатно? И только на третьи мои рабочие сутки очередная наставница Аня объяснила:

– На двадцать четвёртом дворе бригада – трое сменщиков,

и они обязаны выходить все на работу когда цыплят привозят из инкубатора или «перевод», (переводят во взрослые «дворы»), и когда «выпускают». Когда снимали сетки («выпускали») в двадцать четвёртом дворе должна была выйти Александра.

– Нас там было четверо вместе со мной, может быть, поэтому и не вышла.

– У нас в двадцать первом дворе тоже бригада, поэтому мои сменщики пришли. Но ребятам обидно, они работали бесплатно, а Петровна заплатит «Носатому» и «Механику» за помощь. Без «Механика» мы бы обошлись, зачем позвала? Кому хочу, тому плачу. Чтобы дать ему подработать.

– Что любимчики?

– Да, тут любимчиков хватает.

И ещё со слов Ани узнала, что очень пристальное и требовательно отношение к новичкам со стороны начальника зоны в то время, как к давним сотрудникам существенные послабления. Это касается времени ухода и прихода на смену и тех действий, которые должен выполнять птицевод в течение смены. Может быть, поэтому пожилые сотрудницы, которым не только за пятьдесят, но и за шестьдесят, когда идут утром с суток не выглядят утомлёнными или у них феноменальная выносливость?

Аня, единственная из моих четырёх наставников говорила фразами, которые не требовали дополнительных разъяснений и комментариев. Возможно, от того, что она из горо-

да, а остальные из деревень?

V

Третья моя рабочая смена – суточная. Накануне тревожила мысль, как я выдержу в «домике-дворе» столько часов и удастся ли хоть немного передохнуть в горизонтальном положении, ведь свет у цыплят автоматика ночью притушит на семьдесят процентов.

Как и в прошлую смену периодически ходила вдоль стен птичника, чтобы увлечь за собой цыпляток и бережно разгоняла их, когда они сбивались в кучи, чтобы не придавили друг друга. Вскоре отправились сливать загрязнённую воду и мыть поилки. Наверное, и двух десятков не протёрла, как заболела спина, заныла поясница, а впереди поилок было несколько раз больше! И это при том, что другую половину мыла Александра! Но, что меня больше всего поразило это выносливость Александры, несмотря на немолодой возраст. Через некоторое время после того как помыли поилки, она позвала:

- Пошли.
- Куда?
- Опилки рассыпать.

Помня эту процедуру по работе с Константином, я пошла обдумывая, как бы облегчить себе участь потом и, задаваясь вопросом, что меня ожидает сейчас? Пройдя весь птичник до закутка с опилками, Александра взяла два полиэтилено-

вых здоровенных мешка. Один отдала мне, а сама стала наполнять лопатой свой. Я же присела, мешок приблизила к подножию горы опилок и стала сгребать их в мешок руками в перчатках. Потом этот метод переняла Александра, но засыпала опилок столько, чтобы мешок мог стоять, затем досыпала с помощью лопаты.

Я наполнила мешок до половины, а у Александры вырос почти с неё ростом, а она женщина совсем не мелкая. Не успела я подумать, как мы их понесём, как Александра быстро взвалила мешок с опилками себе на спину и пошла в другой конец птичника.

Честно скажу – я опешила. Рот от удивления не открыла, но некоторое время смотрела Александре вслед. Туго набитый светло-жёлтоватый мешок, словно плыл по воздуху над полем почти такого же цвета, полем из перемещающегося желтоватого пуха и белёсых перьев.

Нет, я так не смогу и не считаю нужным повторять. Потом мы с Аней смеялись, что меня занесло с высшим образованием мешки таскать. Но тогда я поволокла свой мешок по полу, смещая часть опилок. На что Александра сделала замечание:

– Мы так не делаем. Цыплят подавишь.

– Я же смотрю, когда ташу и разгоняю. А на себе носить я не в состоянии.

Наконец-то ночь. С десяти вечера свет постепенно уменьшался и в птичнике повис полумрак. Что меня удивило, не

все цыплята улеглись спать. Некоторые расхаживали, другие клевали в кормушках или стояли вокруг поилок, будто смакуя раствор, которым их поили. Ходить к ним часто нежелательно, чтобы не тревожить.

В первом часу ночи Александра предложила подремать. Но, где и на чём? Имелось в виду тут же на лавках. Кто-то из сотрудников покрыл их слоем поролона, тонким, но всё же лучше, чем голая доска. И, тем не менее, как же на ней спать? Ширина той лавки, на которой сидела я не более, а скорее менее трёх десятков сантиметров. Ширина лавки, где устроилась Александра и того меньше, она уже минимум сантиметров на пять.

Александра положила на лавку старое пальто, в нём она ходит между «дворами» и административным зданием зоны «А». В том помещении обустроены несколько комнат: для грязной спецодежды сотрудников зоны, для сушки и стирки спецодежды, раздевалки для женщин и мужчин с душевыми и со шкафчиками для хранения одежды, в которой пришли на работу; комнаты, где обедают и кабинет начальника и ветврачей данной зоны.

Наверняка утеплённую куртку, которую выдают каждому работнику, Александра отдала мужу, потому что верхняя спецодежда выглядит хорошо и тёплая, а сама на работе донашивает старые вещи. То же самое заметила и на других женщинах-птицеводах. На работе выглядят как бомжихи. Их же встречала, когда шла по тропинке от остановки

или от птицефабрики, так их и не узнать: приличный вид, современные и чистые куртки и пальто.

Так вот Александра улеглась на своё потасканное и лоснящееся пальто, под голову положила такого же типа куртку, не знаю чью. Улеглась на лавку спиной. Думаю, на ширине лавке уместилась только голова, позвоночник и одна нога. Всё остальное выходило за контуры лавки. Не понимаю, как можно задремать на столь узкой площади, но Александра заснула и слегка похрапывала.

Я тоже для мягкости на лавку распостёрла куртку, что мне выдали. Вся длина моего тела естественно на куртку не уместилась. Я сильно сомневалась, что засну. И опасалась, что если вдруг засну, то свалюсь, благо падать невысоко. Никогда раньше не приходилось спать на таком узком пространстве. Но, что удивительно – заснула и не свалилась. Устраивалась долго, было очень неудобно, даже на боку! Конечно, сон крепким и продолжительным быть не мог. Просыпалась часто, поворачивалась так и эдак, то на бок, то на спину, то на живот, всё рано неудобно, мало места... В промежутках между дрёмой ходила смотреть в окошко двери птичника, как там цыплята. Большинство из них спали, некоторые бродили или клевали корм, пили. Потом опять ложилась на лавку, опять долго пристраивала члены своего тела так, чтобы они меньше давили на твёрдую лавку. Утром, около пяти часов встала. Тело ныло, особенно болели плечи и бёдра.

Александры не видно, куда так рано умотала? Она и вечером несколько раз уходила. Почему? Может быть, ей некомфортно со мной рядом в одной комнате? Или, чтобы не отвечать на мои частые вопросы? Или отдыхала в другом «дворе» подальше от моих глаз?

Я привела себя в порядок, почистила зубы.

Потом, когда Александра пришла, мы пошли мыть поилки.

VI

К ночи во вторую суточную смену мы с Александрой прилегли на тех же самых лавках. После перетаскивания опилок с помощью носилок или у меня стала накапливаться усталость, которая не проходила за отсыпной и выходной дни. Утомляемость усилилась. Расстраивал немалый падёж цыплят, к вечеру собрали двадцать семь. Потом ещё пятнадцать не дожили до утра. Специфические запахи стали раздражать. Да, кстати тот странный запах, что ощущался за пределами и на территории фабрики – от сжигания мёртвой птицы.

В бытовке приборы, казалось, гудели оглушительно. Александра легла и почти тут же заснула. Со стороны можно было подумать, что она почти висит в воздухе и ножки подпирают не доску лавки, а непосредственно тело женщины.

Когда я закрыла глаза, то вместо гудения приборной панели услышала... музыку... Да, именно музыку. Сначала подумала (не открывая глаза), что это радио. Посмотрела. Прислушалась. Вроде бы молчит. Подошла к столу, крутанула колёсико. Радио выплеснуло англоязычную песню без мелодии с однообразным ритмом. Странно. Опять легла и закрыла глаза. И снова слышу музыку, как и в прошлый раз ту же тихую, но не смолкающую. Музыка восточная, скорей среднеазиатская. Прислушиваюсь и даже будто вижу с закрытыми глазами. Это совсем не сон. Но что? Вот играют на длин-

ных трубах, а теперь на барабанах. Музыка всё играет и играет.

Одной стороны интересно и любопытно прислушиваться, отличать звучание различных инструментов и видеть их. Но с другой стороны возростало беспокойство: что ЭТО? Галлюцинации? Электромагнитное воздействие приборов на мозг, наверняка, комната, то бишь бытовка, а скорей и весь «двор» наполнены электромагнитным полем. Или мозг в какофонии гудения приборов пытается найти звуковую гармонию и выстраивает ассоциации, вылавливая из памяти экзотическое звучание когда-то виденных и услышанных музыкальных инструментов, заполняет пробелы и не очень приятные звуки переводит в некую мелодию? А, если всё же это звуковые галлюцинации, вызывающие мысленные образы?.. Не хватало тут ещё и свихнуться!..

Прислушиваясь и размышляя, незаметно заснула. В этот раз сном, пожалуй, назвать нельзя, скорее дрёма среди звуков музыки...

VII

Третьи мои рабочие сутки должны были проходить во «дворе» № 21. Утром туда ожидалась партия новорожденных цыплят.

Автобус, на котором я приезжала к началу смены, опоздал, возможно, из-за скользкой дороги или пассажиров было больше и водителю пришлось обилечивать дольше. По тропинке старалась идти поскорее насколько позволял узкий и местами обледеневший снежный настил. Выпавший ночью небольшой снежок не засыпал цепочки следов от маленьких лапок, что разбегались то и дело по обеим сторонам от тропинки. После того, как узнала, что здесь могут бродить бешеные лисы, стало не до любования лесными красотами, и прогулка через лес быть приятной перестала. И я с облегчением вздыхала, когда переходила дорогу, ведущую ко второй проходной птицефабрики. За дорогой справа от тропинки тянулся забор, и тут же за ним виделась крыша крайнего «двора». Правда тут же несло слежавшимся и преющим комбикормом и ещё чем-то малоприятным.

Когда вошла в бытовку, навстречу мне попала Вера Петровна, она сделала замечание за опоздание, мол, цыплят уже привезли.

К этому «двору» я ещё не ходила, предполагала, где он. Из административного здания зоны «А» вышла в другую дверь,

от которой путь более короче. Сотрудники подкармливая бездомных кошек, накладывали им остатки своего обеда. Выходя, увидела в грязных мисках примёрзшие макаронины, а на крыше какой-то тумбы крупного рыжего кота. Лапы его, будто упирались в невидимую преграду, а остановившийся взгляд заледенелых глаз пронизывал того, кто на него смотрел и вопрошал: «Чем накормили? Внутренностями сдохшего цыплёнка?» Взгляд провожал удаляющегося, и вдогонку добавлял: «И я тоже хотел жить!» Видимо, кот умер ночью.

Кроме Ани, моей очередной наставницы, во «дворе» уже была начальник данной зоны и четверо мужчин, двое из которых работали на этом же «дворе». Часть цыплят привезли, и они находились в ящиках вдоль загончиков, куда их потом выпустят.

Вскоре приехала машина. Один мужчина забрался в кузов и оттуда подавал по два ящика. В каждом пластмассовом ящике умещалось по тридцать цыпляток. При перемещении они бедняжки перекатывались и валялись друг на друга. Конечно, все старались носить ящики ровно, но для малюток и незначительных отклонений от горизонтали достаточно, чтобы испугаться, отчего они отчаянно пищали. Старались переносить быстро, ведь за пределами машины и «двора» стояла морозная погода.

Второй мужчина принимал ящики из машины и переносил в «холл» «двора». Остальные выстроились до конца

птичника и передавали, поднося ящики. Последний в цепочке ставил ящики возле загончиков, постепенно приближаясь к выходу, а расстояние между людьми сокращалось, и занос цыплят в помещение убыстрялся.

В птичнике температура колебалась и доходила до тридцати трёх градусов тепла. Все покраснелись и вспотели. Об ящики запачкали одежду. Моя спецовка, накануне постиранная, покрылась спереди жёлтыми пятнами от помёта. Обидно, часа не прошло, а одежда уже неприятно грязная.

После короткого перерыва, чтобы отдышались, направились в птичник с Верой Петровной, Аней и её сменщиками выгружать цыплят в загончики, в каждый по шесть ящиков. Делалось просто: аккуратно, но быстро надо было повернуть ящик боком к полу длинной стороной, и цыплятки выпадали, вываливались на опилки. Чтобы высыпать тех, кто ещё остался слегка встряхивали, но, конечно, не вверх, опять же в сторону пола, и они выкатывались.

Если учитывать, что цыплята вылупились только накануне перевоза в эту же ночь и за первые часы жизни испытали посадку в ящики, перевозку в машине, переноску в птичник, при этом толкотню и качку, а также смену температур. К тому же вокруг какие-то огромные и непонятные существа. Всё это колоссальный стресс для новорожденных цыплят. Потом, когда они уже находились ошеломлённые в загончиках, два ветврача их обрызгали какой-то жидкостью. Как и в прошлый раз на мой вопрос: «чем?» ответа не полу-

чила. Возможно, это раствор, якобы помогающий им избежать заражения инфекцией. Мокрые цыплята дрожали, сбились в кучки, пока не высохли.

Итак, мы торопились высыпать цыплят в загончики, потому что им пора было уже пить. И, если бы медленно вынимали из ящиков, то процедура затянулась бы... всего цыплят привезли шестнадцать тысяч четыреста пятьдесят. Как бы там ни было, но выживает сильнейший. В этом вскоре убедилась.

Массовой гибелью назвать нельзя, но... Давно так не расстраивалась, как в ту смену.

Два загончика отвели под слабых, точнее один, а второй стал местом для умирающих, хотя и в других тоже находили слабых и даже трупки. Недуг у цыплят разный: попадались такие, у которых глазки смотрят, но не видят; немало с проблемными ногами – слабенькие, не стоят, то есть не удерживают тельце или ещё хуже расходятся в разные стороны и не поворачиваются параллельно. Один шустрый носился с вырванным глазом. Не знаю, каким образом выскочил глаз, возможно, ещё в инкубаторе или при транспортировке. Аня сказала, что он не жилец, его заклюют, потому что стоит цыплятам увидеть кровь, как начинают расклёвывать то место. Жуть.

На самом деле жуть была впереди.

Через несколько часов принесли из инкубатора мокрых, видимо тоже продезинфицированных «доходяг» – совер-

шенно беспомощных цыпляток, которые встать не могли. Много таких слабых пытались стать на ножки, но заваливались на бок или спину. Они барахтались, чтобы перевернуться и при этом кричали, но глубже зарывались в опилки, потом в изнеможении лежали, закрыв глаза. От слабости в ямках лежали вверх лапками. Сколько я ни пыталась перевернуть и поставить таких цыплят на ножки, но они тут же заваливались на бок или на спину и сами пытались вывернуться из этого неестественного для них положения, но обессиленные затихали. Я опять переворачивала и ставила на ножки, но они не держали, и цыплёнок несколько секунд сидел, а потом заваливался на бок или сразу же валился на сторону. Аня мне говорила: «не трогай их, бесполезно, если ямка под ним, значит не жилец». Но мне было жалко, ведь цыплятки тратили силёнки, чтобы перевернуться, а им не удавалось и казалось только помоги, и он встанет и пойдёт, но, к сожалению, такие случаи бывали редки.

Потом, проходя и осматривая цыплят, сливая загрязнённую воду и протирая поилки, находили с Аней уже мёртвых.

В обеденный перерыв решила развеяться, пройтись по территории, и пошла в столовую, несмотря на то, что в будни нам привозили обед на зону «А» в административное здание. Есть не хотелось, но надо, ведь впереди ещё много часов до окончания смены.

Одноэтажное небольшое вытянутое здание. Внутри всё более чем скромно. Большие окна идут по всей стене, вдоль

которой несколько столов со стульями. Мне показалось, помещение мрачным и персонал не создавал впечатлением дружелюбия и доброжелательности. Мол, получил свою порцию и отваливай побыстрее. Возможно, «каторга» тяготила и здесь.

На обратном пути сделала крюк, решила пройтись по «свежему» воздуху, каким он тут не является. Вскоре услышала не то возмущённые крики, не то жалобные стоны – горланили птицы. Возле одного из «дворов» стояла машина, и мужчины туда заносили, почти забрасывали белых индюков и индюшек. В каждом «взрослом дворе» их помещалось по пять тысяч. И хотя они казались совсем не слабыми, слышала, что такие тоже умирают.

Утром, когда переодевалась, из соседней комнаты донеслась фраза: «У меня сегодня забой». Может быть, птиц перевозят с этой целью?

Я поспешила уйти. До окончания обеденного часа оставалось ещё пятнадцать минут, поэтому пошла дальше по территории. Увидела здание, похожее на то, в котором располагалась столовая и направилась туда, удивляясь, что опять подошла к ней. Приблизилась и услышала вопли! Это что? Вошла. Странно, а где столовая? Откуда-то из глубины доносятся гортанные вопли птиц. Пошла по проходу-коридору. Приоткрыла дверь. Из машины переносят куда-то больших индеек. Закрыла дверь и стала искать, как бы выйти оттуда. Крики птиц сопровождали, то усиливаясь, то смолкая. Еще

дверь. Открыла.

Не обращая внимания на крики птиц и их сопротивление, мужчина ловко хватал каждую и за что-то цеплял. Индюшка повисала вниз головой. Орала, трепыхалась, но ноги, прочно удержанные приспособлением, несли её дальше. Голова индюшки проплывала между двумя пластинами. Короткий, почти невидимый голубоватый проблеск на доли секунды и птицу, уже молчаливую и недвижимую конвейер понёс дальше. На неё выливается кипяток, после чего выщипывают перья, а потом... Станут разделять по частям и вынимать внутренности.

Лучше бы я на послеобеденную прогулку не ходила... Обед чуть не выскочил под впечатлением от увиденного.

Та смена, видимо, стала испытанием моей нервной системы, которая на протяжении рабочих суток пребывала в ошеломлённом, почти в шоковом состоянии.

После обеда я принялась отделять живых от мёртвых. Нехорошо, по моему мнению, когда живые и мёртвые цыплята лежат не только в одном загончике, но и друг на друге. Стала выбирать мёртвых и класть на бумажные упаковки, в которых обычно продаются яйца. Упаковки принесли, чтобы использовать как дополнительные кормушки. Упаковки мы клали по четыре штуки в каждый загончик и насыпали на них комбикорм. Так малышам удобнее клевать, они забираются на них, усаживаются отдыхать, засыпают. Кроме того, в загончиках стоят и большие переносные кормушки.

На пять бумажных упаковок уложила по десять остывающих цыплят.

В ту смену опилок рассыпать не надо было, потому что весь пол заранее покрыли ими. Мы мыли поилки и сливали грязную воду. Досыпали дополнительные кормушки, для этого черпали из ёмкости комбикорм, куда он поступал с помощью автоматики, насыпали в вёдра и разносили.

Цыплята не столько съедали, сколько рассыпали вокруг и из поилок воду расплёскивали. Вечером пришлось опилки ворошить, перемещать внутри загончиков, досыпать вёдрами под поилки.

Спина ныла, уже хоть плачь, и хоть ползай, чтобы не наклоняться. Ещё до того, как мы с Аней начали мыть поилки, она сказала:

- Говорят, ты, стоя поилки моешь.
- У меня спина болит.
- А как же ты будешь работать одна?
- Что-нибудь придумаю, придётся дольше находиться среди цыплят.
- Надо идти между ними быстро и не обращать на них внимания.
- Хочется посмотреть на цыплят, на их реакцию.
- Не надо смотреть и останавливаться, а то они будут вокруг тебя.
- Они и так вокруг меня.
- Александра говорила, что они тебя любят, какходишь,

все за тобой несутся.

– Ну, почему, за ней тоже ходят.

Время шло, слабых и умирающих прибавлялось, и мы вынимали их из загончиков и переносили в последние два перед выходом из птичника.

– Первые три дня, – сказала Аня, – падёж считается браком инкубатора. То есть, сколько подохнет, спрос не с нас, а вина инкубатора. С четвёртого по седьмой день (жизни цыплят) убыток делится пятьдесят на пятьдесят между «двором» и инкубатором. С восьмого дня весь падёж списывают со «двора», точнее с нас птицеводов.

– И что за это штрафы?

– Нет, но выговаривают, на нервы капают. А, если партия здоровая и падёж маленький, то могут выписать премию.

И я вспомнила, что говорила Александра в минуту словоохотливости, мол, чтобы кто не так сделал, чья бы ни случилась ошибка: слесаря ли, ветврачей, электрика или ещё кого, спрашивают «с нас», то есть с птицеводов.

Ближе к ночи Аня побросала в ведро мёртвых, их надо выставлять наутро в коридорчик (не отапливаемый), откуда их заберут и, конечно, количество надо записать. Но Аня в ведро положила ещё и живых. Когда она выходила за пределы «двора» покурить, то живых я вытащила и положила обратно в загончик. Но перед тем, как укладываться на ночной отдых Аня опять достала «доходяг» и переложила в то же ведро.

Остальные цыплята наелись, устали и отдыхали. Кричали в основном те, которые через несколько часов умрут, в том числе и из ведра.

– Аня, им же больно, они лежат, придавливая друг друга!

– Они всё равно сохнут. Я их вынесу, а то остальным не дают спать.

Аня принесла ведро с цыплятами в «холл». Оттуда доносились истошные крики.

– Давай, отделим и оставим в птичнике живых, – предложила я.

Аня, поняла, что птичьи крики не дадут спать, со словами «так они быстрее околеют и не будут долго мучаться» вынесла ведро в коридорчик, где была минусовая температура. Цыплята так кричали от боли и холода, что было слышно через металлическую дверь.

В журнале, в графе «падёж» Аня записала цифру сто двадцать.

Я там всего лишь стажёр и не могла сделать по-своему. Даже если бы я ведро принесла обратно в птичник, то Аня его бы снова вынесла в коридор.

Эта смена стала для меня последней. Когда через двое суток я пришла на работу, то в первую очередь написала заявление об уходе и отдала спецодежду, которую мне выдали.

Заплатили намного меньше, чем постоянным птицеводам за те же смены, и по сути окупила лишь затраты за платную медицинскую комиссию при поступлении на птицефабрику,

которую обязали пройти и уверяли, что всё оплатят. Но оказалось, что оплачивают только по истечении проработанных трёх месяцев и то на пятьдесят процентов.

В продовольственных магазинах часто попадаются упаковки вышеописанной птицефабрики с мясом индейки, но я не покупаю.

Февраля 2017 г.

Пофигизм или ...

Зимняя красота уже в прошлом, хотя ещё конец января, но резкая оттепель серая и сырая погрузила округу, будто под свинцово-пепельный мгlistый колпак и для солнечных лучей непроницаемый. Блистательные на морозе снежные сугробы заплакали. Их слёзы на ещё холодной земле покрывались коркой льда. Но талая вода прибывала, скапливаясь в низинках огромными лужами.

По улицам шли угрюмые люди, шлёпая по беловато-сероватой водянисто-снежной кашнице, тёмной воде, скользя с унылыми лицами по бугристому льду. Ненастная погода не способствовала улучшению настроения, напротив.

То ли из-за погоды, то ли из-за самочувствия Елизавета Петровна ощутила нелады со зрением. Вроде бы всё видит в очках и в то же время что-то не то и не так. Словно что-то мешает, но что и где не поймёт. И как-то резко случилось, второй день такие ощущения. Нерадостно подумала, что надо идти опять заказывать очки. И сетовать бесполезно, окулист скажет, что это возрастное. Хотя ведь не семьдесят же лет, всего-то пятьдесят восьмой. «Конечно, – в который раз говорила себе Елизавета Петровна, – это всё от компьютера, вернее от экрана монитора. Как стала работать с компьютером так пошло ухудшаться». А ведь в молодости знакомые даже удивлялись, как она хорошо видит дальше дру-

гих и вблизи самый мелкий текст. И всё ушло, причём стремительно. Практически каждый год приходится заказывать новые очки, вот и прошлым летом, всего полгода назад также проверяла зрение и приобрела опять очки. И снова придётся обращаться.

Вероника Семёновна, ухоженная дама средних лет в белом халате с недовольной миной пролистывала гляцевый журнал в маленьком кабинетике одной из городских «оптик». Пациентов, то бишь, клиентов маловато, следовательно, владелец «Оптики» может её ставку сократить, мол, из-за неоправданных затрат. Вероника Семёновна насторожилась, прислушалась, кажется и она понадобилась.

В кабинет прошла Елизавета Петровна, чтобы проверить зрение и заказать очередные очки. Вероника Семёновна включила проектор, на стене появились буквы, выстроенные в строчки, на самой нижней маленькие, чем выше, тем крупнее. Врач выслушала клиентку, её жалобы совпадали с некоторыми симптомами. Для верности осмотрела глаза с помощью щелевой лампы. «Так и есть, быстро прогрессирующая катаракта, субкапсулярная на правом и ядерная на левом глазе», – подумала она, но об этом не сказала. Спросила:

– У вас сахарный диабет?

– Нет, – ответила недоумевающая Елизавета Петровна.

– Вы курите?

– Нет.

– Работаете с компьютером?

– Да.

– Рекомендую обратиться в медицинский центр к офтальмологу.

– Обязательно?

– Желательно.

Вероника Семёновна работала на полную ставку в Медицинском центре офтальмологом, и что касается лечения пациентов, консультировала только там. Здесь же, в «Оптике» несколько часов в неделю она не считала нужным выходить за рамки своих обязанностей, то есть определяла степень зрения для того, чтобы только выписать рецепт на заказ определённых стёкол для очков и тем самым проинформировать клиента.

– Но там, говорят очень дорого, а у меня сейчас не совсем густо с деньгами, впрочем, так частенько.

– Решайте сами, – Вероника Семёновна заполнила бланк рецепта и подала клиентке, при этом подумала: «От этих очков будет проку мало, зато ещё один заказ...»

Прошло несколько недель, снова морозная погода сменилась оттепелью, ну теперь уж сетовать не приходится, весна на подходе. Тёплый ветер Атлантики не прогрел промёрзшую землю и опять по заледенелым тротуарам скользят настороженные прохожие.

Невидимое солнце село где-то за плотным серо-дымчатым пологом неба и, вскорости, улицы погрузились по мрак пронзённые жёлтыми кнопками-бликами фонарей и светлы-

ми прямоугольниками витрин и окон.

Елизавета Петровна еле ступала по скользким и мокрым неровностям тротуара, а вокруг, будто на всё опустилась серовато белёсая пелена. Зрение ещё ухудшилось, и она лишь утешала себя, что скоро выяснится, что же происходит с её глазами, приближается очередь и через два дня она попадёт к окулисту в районной поликлинике.

Елизавете Петровне надо было перейти дорогу, она шагнула на «зебру». Справа по проезжей части мчалась гудящая мгла, по бокам которой светились туманные светлые расплывчатые небольшие пятна. Тёмный автомобиль развернулся на повороте, но зебру и фигуру на ней водитель не заметил или не обратил внимания...

Родственники Елизаветы Петровны получили заключение: «Травмы не совместимые с жизнью...»

2-3 февраля 2016 г.

Промолчавшая

Зине сказали, чтобы она уволилась. Не начальство, нет. Коллеги. Они прослышали о возможном сокращении, и кое-кто из них решил опередить руководство, мол, пусть кто-нибудь уйдёт, а их тогда не затронет.

– Почему увольняться должна я? – удивилась Зина.

– А, кто тогда? – с немалой долей иронии в ответ спросила Ольга.

– Откуда мне знать?

– Увольняться надо тебе! Наделала косяков, – Лена подтвердила мнение приятельницы.

– Можно подумать, что косяков у других нет, в том числе и у вас обеих.

– Чтобы ты не говорила, а увольняться тебе придётся, – подытожила Ольга.

Зина несла пакет с продуктами, а руки подрагивали и, чтобы его не уронить обхватила его, сцепив пальцы в надежде унять дрожь. Ветерок охлаждал щёки, мокрые от слёз. Зина опустила голову, чтобы соседи не стали расспрашивать, иначе она разрыдается в голос. Паническое чувство безысходности завладевало всё больше и больше.

Войдя в прихожую Зина чуть не уронила продукты и плюхнулась на пуфик, дала волю своим эмоциям.

Вскоре из комнаты почти выбежала женщина, запахивая

халат.

– Это что такое дочка?! Что случилось?!

– Ой, мам, ты уже дома! – вытирая слёзы и всхлипывая, Зина встала, сняла куртку и шапку, повесила на крючки вешалки.

– У заведующей сегодня день рождения, вот она нас и отпустила. А я хотела вам пироги испечь.

– Спасибо, – вздохнула Зина.

– Да, что такое? – мать взяла пакет, направилась на кухню.

Зина подобрала выпавший куль с морковью и пошла за матерью. Разбирая продукты и раскладывая по полочкам в холодильник, Зина рассказала, что её заставляют увольняться.

– Все так говорят?

– Нет, только две, самые бойкие.

– А остальные?

Остальные молчат и даже делают вид, что не слышат.

На следующий день Зина по совету матери поехала в головной офис их организации к руководству. Рассказала ситуацию и просила её не увольнять.

– У меня двое детей, а алименты маленькие, ежемесячная сумма такая, что даже на брюки мальчику не хватает. Сами знаете, как мальчишки быстро занашивают одежду. Девочке сама шью платьица, юбочки... И, если останусь без работы, то жить будет не на что. Мама моя работает, но большая часть зарплаты уходит на оплату кредита за холодильник...

Говорят косяки есть, а у кого их нет?

– Вы напрасно расстраиваетесь и переживаете, Зина. Никто не собирается вас увольнять. Не обращайтесь внимание, всё это женские сплетни.

Сплетни, ни сплетни, всё ж таки уволили. Не Зину, а одну из тех пятерых, что делали вид, будто не слышат несправедливых нападок.

28 ноября 2017 г.

Из услышанного и увиденного в 2017 году

Последовательность автобусных остановок

Когда едешь по какому-либо маршруту часто, то уже не обращаешь внимания на названия остановок, даже и не замечаешь их. Когда же едешь впервые, то вслушиваешься не только, чтобы не пропустить ту, на которой надо выйти, но и, чтобы понять, что вокруг и каков в этом смысл.

Между двумя городами почти на юге М... области есть подряд три остановки, призывающие к размышлению. Вот только задумывалась ли о последовательности названий местная власть? Вряд ли.

Женский голос серьёзно объявляет (в записи): «Следующая остановка: Кладбище».

И как это понимать? Благо эта остановка не конечная...

Следующая за ней: «Больница». Что тоже не особо радует.

Зато последующая вселяет бодрость: «Стадион».

Интересно получается: из «Кладбища» в «Больницу», а потом на «Стадион». Своеобразненько.

А вот обратный путь на данном маршруте более логичен:

«Стадион» – «Больница» – «Кладбище»...

14 июля 2017 г.

История одного увольнения в 2017 г.

В одной из столичных университетских научных библиотек работала директором женщина со своеобразным характером. В библиотеке наблюдалась текучка кадров. Только за последние четыре месяца уволилось пять человек, вскоре в следующем месяце пришлось уйти ещё одной. Причина такова: новая сотрудница за три недели до устройства на работу поменяла местожитительство, и надо было сдать паспорт на регистрацию, для чего она написала заявление на отпуск на один день без сохранения заработной платы. Через недели полторы паспорт надо забирать. Паспортный стол в одном из городов области, где она поселилась, работает только в будни, поэтому она опять написала заявление, чтобы взять один день для этих целей и пришла к директору библиотеки.

– Вы только устроились и уже второй раз хотите взять день! – возмутилась директор.

– Надо забрать паспорт.

– Вам сказала при устройстве, что во время испытательного срока никаких отпрашиваний.

– Я беру день за свой счёт и теряю в зарплате. Испытательный срок закончится более чем через два месяца и всё это время у меня не будет паспорта, ведь он может потребоваться в любой момент!

– И почему вы пришли сразу с заявлением, а не позвони-

ли?

– Экономила ваше время.

– Нет не моё, а своё! Вот увольняйтесь и забирайте свой паспорт!

– Хорошо я напишу заявление. Отрабатывать две недели надо?

– Конечно.

– Опять я паспорт не скоро получу. Можно мне в эту среду всё-таки взять день за свой счёт, как раз в паспортном столе приёмный день с утра. Ведь, мало ли что, я езжу на работу далеко, может потребоваться паспорт, а у меня его нет.

– Ну, ладно, – и директор подписала заявление.

Когда женщина пришла в свой отдел, то сообщила заведующей отделом, что работает ещё две недели и рассказала остальное. Заведующая изменилась в лице, да и другая коллега тоже, ведь неизвестно, когда к ним придёт новый человек и сколько им тянуть дополнительную рабочую нагрузку.

– Вы, что пошли к ней с заполненным заявлением?!

– Естественно.

– О-о-ой! Нельзя! Надо было позвонить, прийти и спросить.

– Ну это же такая волынка. Позвонить, может ли принять. Прийти просить разрешение взять день за свой счёт. Потом возвратиться распечатать бланк, заполнить его. Затем опять звонить директору, когда ей удобно, чтобы принести на подпись. А, если её ещё и нет на месте, то придётся вылавливать.

Когда подпишет нести в здание университета в бухгалтерию. Сколько этапов! Зачем такие сложности?

– Такой уж она человек...

В конце рабочего дня в отделе зазвонил телефон. Завотделом до этого вышла и трубку взяла сотрудница, которой недолго оставаться таковой здесь.

– Почему вы не принесли заявление на увольнение? – прозвучал недовольный голос директора.

– Не успела распечатать бланк, а компьютеры уже выключили, завтра принесу.

На этот раз директор не стала возмущаться и согласилась подождать до утра следующего дня.

Канцтоваров нет, да и не только их ...

В одном из лицеев М... области директор предупреждает новую сотрудницу:

– Учреждение наше бюджетное, приходится экономить, поэтому канцтовары не выдаём, бумагу тоже и катридж приходится заправлять на свои деньги.

Когда сотрудница осмотрела помещение, то при очередной встрече с директором сказала, что принтера не нашла.

– Потом поставим, – когда потом не уточнила.

Прошёл месяц, другой, а принтера нет. На исходе третий...

15 июля 2017 г.

Старые и никому не нужные

Спешила утром на остановку, проходя мимо двухэтажного дома, покрытого сайдингом после капитального ремонта, услышала не то плач, не то вой, не то стон. Думаю, наверное, что-то случилось и, может быть надо вызвать скорую помощь. Подхожу ближе. Под козырьком перед входной дверью в подъезд стоит старушка в платке, из-под куртки – длинный домашний фланелевый халат, и громко хнычет, но слёз нет. Спрашиваю, мол у вас что-то болит, вызвать скорую? Она продолжает хныкать, потом отвечает:

– Мне скучно.

Я даже опешила, никак не ожидала подобного ответа. А старушка продолжает хныкать и стонать, переходя на вой. Вокруг никого.

– Все на работу ушли, – говорю ей, – я тоже спешу, не печальтесь. Надо идти работать, ничего не поделаешь. Посмотрите, погода хорошая, птички поют, – она примолкла и продолжала сидеть тихо, когда я уходила от неё.

Недели через три-четыре, иду в воскресенье опять мимо того дома и опять слышу тот же не то вой, не то плач, не то стон. Думаю, опять эта бабуля скучает. Неподалёку от дома расположены мусорные контейнеры и, выбросив мусор оттуда отходит с ведром пожилая, но бодрая женщина и, словно и нет никакого плача-воя-стона направилась в противо-

положную сторону. Меня это несколько удивило, что она не обратила внимания. Снова подхожу к бабуле. Погода жаркая, безветренная и старушка сидит на лавочке под козырьком над входом, за ней открыта дверь в подъезд. Бабуля в халатике, из-под которого опускается на синтетические осенние сапоги грязноватая ночная рубашка. От старушки исходит своеобразный запах. Я снова задаю те же вопросы:

– Что случилось? Может быть, вызвать скорую помощь?

– Нет, да ну их... я плохо слышу, – и продолжает громко хныкать.

Мимо идёт лысоватый мужчина, лет под пятьдесят, прогуливает собаку и прислушивается. Бабуля опять хнычет.

Из подъезда выходит молодая женщина в домашнем халате, подходит к старушке и начинает отчитывать:

– Что ты дверь открыла, хочешь спалить домофон? Соседи потребуют отремонтировать дверь, – старушка то ли не совсем понимает о чём речь, то ли ещё по какой причине тем временем перебирает что-то на своём одеянии, на шеи на верёвочках висят крестик, похоже не серебряный и два ключа к домофону.

Я смотрю то на одну, то на другую, у них явно есть сходство: у обеих карие глаза, тёмные волосы, и профиль носа немного волнообразен и длинноват.

– Вы её родственница? – обращаюсь к молодой.

– Да.

Вот как, а я думала, что бабуля одинокая.

– А почему от неё пахнет мочой? – сдерживаю своё возмущение, и стараюсь, чтобы вопрос не прозвучал упрёком.

– У неё опущение матки, а мыться не хочет.

– Она болеет деменцией?

– Не знаю, чем болеет. Психиатр сказал, что это характер, эгоизм. Она как увидит людей, так начинает кричать, привлекает внимание... Чего ты в своей комнате не сидишь? – обращается в старушке.

– Там Димка спит.

– Димка, это кот, – поясняет мне молодая. – Пошли домой.

Старушка молча, нехотя, встала и, волоча ноги в сапогах, вошла в подъезд...

* * *

Сегодня ехала с работы, как обычно в последнее время на автобусе и думала о том, как прошёл день и, что надо бы дома сделать. День для августа на удивление жаркий. Кондиционер в автобусе как частенько бывает, не работал, а от приоткрытых люков в потолке дуновение слабое. Вдруг ощутила странный и неприятный запах. Посмотрела на тех, кто сидел напротив меня, чтобы удостовериться, не показалось ли мне и понять, откуда исходит. Пожилая женщина пренебрежительно скривилась и даже негодуя, стала шептать что-то своей соседке. Та закрыла нос рукой и широко открыла глаза от возмущения. Я посмотрела в сторону их враждебно-презрительных взглядов. Чуть подальше от меня стоял мужчи-

на, точнее старик и что-то искал или перекладывал в сумках. Именно от него и шёл этот запах, но на бомжа не похож и одежда у него опрятная и почти чистая.

Когда освободилось место на откидном сиденье, старик перешёл и уселся. Рядом две девушки сдержанно хихикали. Может быть, о чём-то своём, а, может быть, над ним, потому что ими стал ощущаться тот запах, который в какой-то степени удалился от нас.

С первого взгляда на его лицо сразу видно, что человек больной. Что-то у него было со ртом. Он или был приоткрыт и оттуда торчал толстый язык или то закрывал рот, то открывал и оттуда вываливался большой язык, а старик, будто его прятал или просто хотел закрыть рот, но не выходило.

Старый и больной человек. И возможно, не мог себя хорошенько обслужить, помыть и постирать... А люди вокруг не испытывают совершенно никакого сочувствия.

22 августа 2017 г.

Вальс влюблённых

Ехала как-то из Москвы на электричке. На одной из станций г. Д выходило много людей и немало входило, поэтому электричка здесь стояла минуты на две больше, чем на других платформах. Вагон, в котором я сидела, остановился напротив площадки, выложенной тротуарной плиткой, возможно автостоянки, почему-то с перекрытым въездом. Люди туда могли входить, только что там делать, кроме... парочки влюблённых. В этом не было сомнений. Юноша и девушка, почти подростки, возможно, учащиеся какого-то колледжа стояли друг против друга. Впрочем, стояли они мало, несколько секунд, а чаще перемещались, не разжимая объятий. Когда движение их было линейное, то девушка пятилась, потому что вёл её партнёр, видимо, чтобы не выйти за края площадки парочка поворачивала, делала несколько шагов и снова поворачивала. Таким образом, они кружили и пересекали площадку. Оба в джинсах и куртках, за плечами рюкзаки. У парня вязаная шапочка, у девушки распушенные чёрные волосы ниже плеч.

Время от времени ветер срывал жёлто-бурую листву и швырял в людей. Одни глазели из окон электрички, другие с противоположной стороны площадки толпились на остановках, куда подъезжали автобусы и маршрутки, выпуская толпы, спешащие на переход, и снова набирали пассажиров. И

среди этой буднично-деловой суматохи на огороженной прозрачным забором из редких металлических прутьев площадке вальсирует парочка – на виду у всех и наедине друг с другом. Они ведут беседу. Юноша что-то говорит и лёгким прикосновением целует в порозовевшие щёки, в губы, а девушка отвечает ему и шагает назад или в сторону, туда, куда он направляет. Вокруг шум электропоездов и автомобилей, но они слышат только друг друга, видят только глаза напротив.

12 октября 2017 г.

Тихий и бесконфликтный

Вы думаете, что очень хорошо, когда ребёнок не доставляет хлопот, ведёт себя спокойно и послушно. Но так ли это хорошо? Хотя бывают разные случаи – игры природы или Провидения?

Родители моего нового соседа когда-то в молодости, когда родился у них мальчик, тоже очень радовались. Отец, что теперь есть кому наследовать дом, который они достраивали, что будет кому продолжить его род. Мать радовалась, что от него почти нет шума, что не докучает капризами и беспокойными играми. Умилялись его изящным чертам лица и оберегали его хрупкое тельце от излишних треволнений, решая все вопросы за него. Конечно, в школе мальчик не отличался сообразительностью и выше троек оценок в дневнике не приносил. Ну, да ладно, не всем же быть отличниками...

По улице спешит мужчина, стройный, даже несколько хрупкий. Легко и быстро идёт, как обычно ходят молодые люди. Приближается к дому, откинул слегка капюшон куртки. Да, нет, совсем уж не молоденький, лет тридцать уже есть.

Сколько вижу соседа с нижнего этажа всё время в одной и той же одежде – ходит на работу, к родителям, выглядит, когда открывает дверь любопытной соседке, что норовит у него чего-нибудь попросить и под каким-нибудь пред-

логом зайти к нему в квартиру, хотя она и старшего его намного, как может показаться. Оказалось, что не так уж и много. Ему сорок семь лет! Даже удивительно, как может сохранить молодость мужчина, который не заботится о своём здоровье. И работа у него не в офисе. Грузчиком. Хотя по его словам, работа не тяжёлая, коробки, что грузит в фуру весят по полтора килограмма. Работает на заводе, где производят чипсы. Работает там уже четырнадцать лет. И на вопрос, а не хотели бы вы перейти на какую-нибудь другую должность, отвечает, «а, зачем?», его всё устраивает, и зарплата нормальная. Не стала выспрашивать сколько получает, неприличный вопрос, но настаивала, почему же не пытается никуда перейти, там, наверняка есть куда.

– Оператором – конкуренция, – ответил он, – да я не справлюсь.

– Почему так думаете, возможно получится.

– Перейду, а не получится и будет предательство.

– Предательство? По отношению к кому?!

Сосед что-то промямлил неразборчивое. Меня удивило такое мнение. Беседовали мы в моей квартире, я, как новосёл пригласила его посмотреть то, что к этому времени отремонтировано. Он был выпивши. Трезвый, видимо, не решился бы зайти. Стоило мне отвернуться или повернуться боком или тем, более спиной к нему, как он тут же вставал с дивана и медленно приближался, явно пытаясь прижаться. Но его попытки не удались. Похоже он ухаживать не умеет,

может быть, и не считает нужным. На следующий день утром мы почти одновременно вышли из квартир, шли по одной дороге до перекрёстка, только он немного позади меня, так как вышел чуть позже. Обернулась на шаги позади. Сосед не поздоровался. Он ещё ни разу первым не здоровался. И я не стала здороваться, в полутьме с вечным капюшоном, нависающим на его лицо не столько узнала, сколько догадалась, что это он.

Сосед не женат. Не разведён. И квартиру эту малогабаритную однокомнатную купил ему отец, «у меня нет денег», – пояснил он. Обустройством квартиры занимались родители, видела, как они приезжали и с ними рабочие для переделки системы отопления. Мать, видимо, убирала и не только квартиру, но и под окнами.

Мне жаль его родителей, достался им сынок, который не способен ни на что, как в поговорке «Один и не годин».

16 октября 2017 г.

Несовместимое совместилося

Сегодня 28 октября. За несколько дней раньше стояла морозная погода без осадков. Потом пошёл снег и не останавливаясь сыпал почти полтора суток. Температура стала повышаться. Сегодня пять градусов тепла, но на траве лежит толстый слой снега, да и местами на асфальте тоже. И что я вижу, возвращаясь, домой? Стрекозу! Небольшую коричневую. Порхает бедняга на фоне уже голых и влажных ветвей, сквозь которые отчётливо виден снег, хотя и на зелёной траве. Потом заметила другую, меньшего размера. Удивительное сочетание: стрекоза и снег! Пришла домой, открыла форточку, чтобы проветрить квартиру. Слышу жужжит. Что такое? Здоровая муха носится под потолком. Пришлось выгонять муху и закрывать форточку. И вовремя, потому что за окном стали парить комары! И довольно крупные. Вокруг лежит снег, а в воздухе носят разные насекомые! Наверное, им показалось, что наступила весна. Но, увы, до весны ещё далеко.

28 октября 2017 г.

Девушка, 1990 года рождения

В библиотеке работает девушка, не сказать, что шибко молодая, уже двадцать семь лет, точнее молодая женщина. Выглядит очень молодо, прямо юная. Работает тут полгода. Порядка, на её участке работы нет, потому что не знакома с библиотечным делом, хотя и закончила какие-то библиотечные курсы. По её словам задание ей давали почти не относящиеся к библиотеке, а училась она заочно, практически экстерном. Не знала, что надо вести журнал и статистику, уж тем более не знала, как.

– Ты, наверное, думала, что библиотекари только книжки выдают и больше им делать нечего?

– Да, поэтому и пришла сюда, к тому же за такую зарплату.

– В библиотеке, как видишь, полно разной внутренней работы, о которой не подозревают читатели, вернее пользователи, как теперь их называют. За время своей работы ты не изучила фонд и толком не знаешь, что и где стоит. Чтобы выдать быстро книгу, до этого её надо положить на своё место. А, что происходит? Книги некоторых писателей XX века стоят в XIX веке. Почему у тебя, например, Пастернак стоит здесь?

– Так он же на букву П, вот я сюда и поставила.

– Почему перед Пушкиным?

– Как мне сказали: Па перед Пу.

– В каком веке Пушкин жил? В XIX. Пастернак когда написал книги?.. В XX веке. Почему они стоят вместе? Ты что не знаешь, что русская классика ставится по хронологии?

– Нет.

– Пошли покажу... Видишь опять начинается алфавит. Ты же видела эти буквы и не задалась вопросом: почему опять начинается алфавит? Здесь книги писателей XX века. Что ты смотришь отрешённо-удивлённо? Не знаешь какие писатели жили и писали в XX веке?

– Нет... Некоторых помню... Булгаков, Есенин.

– Ты в школе училась?

– У меня высшее образование. Закончила коломенский педагогический институт.

– Даже так! Что же придётся для каждого писателя делать разделители, чтобы тебе понятно было, что и где искать, и куда ставить.

В следующую пятницу в библиотеке по графику должен быть санитарный день, я предупредила молодую сотрудницу, чтобы взяла что-нибудь старое из дома, переодеться, надо будет фонд художественной литературы переставлять.

– У меня нет ничего старого, я пользуюсь только новыми и красивыми вещами.

– Говоришь зарплата маленькая, а вещи твои очень дорогие.

– Для это есть мужчины. Они должны обеспечивать.

– А за какие заслуги?

Моя коллега промолчала, слегка улыбаясь.

В санитарный день у моей изящной сотрудницы книги так и сыпались из рук. Перекладывала по две-три.

– Такими темпами мы не успеем. У тебя слабые руки, надо тренировать.

– Зачем? Мой муж носит тяжёлые вещи вместо меня и даже дамскую сумочку.

До нас в библиотеке работали нерадивые сотрудники и пыль годами с книг не стиралась. Сотрудница моя тоже не знала и не догадалась, что это надо делать.

– Протирай книги, а я буду окна мыть. Вот тазик с водой и тряпка, перчатки.

Прошло некоторое время окна помыла, коллега большую часть верха книг и полок протёрла, хотя пока не напомним воду не поменяет. Уже осень и довольно прохладно не только на улице, но и в помещениях. Но мне тепло, несмотря, что в футболке, разогрелась от физической работы. Моя коллега поёживается, ей холодно, несмотря на свитер и тёплую кофту. Не понимая, почему она мёрзнет несмотря на выполняемую работу, стала наблюдать. Минуты хватило, чтобы понять. Молодая сотрудница так медленно передвигалась и делала все движения, что не разогревалась работой, а замерзала. Ей, видимо, так надоело, что она откровенно уселась, ссылаясь на усталость. Но перестановка книг не завершена, надо было энциклопедии поставить на место учебников, которые не пользуются спросом, и пришлось продолжать од-

ной, надеясь, что коллега отдохнёт и присоединиться. Она проворчала, что не видит смысла в этой перестановке и так просидела, думая о чём-то и наблюдая, пока я перед ней ходила туда-сюда, нагруженная книгами. Всё пришлось перенести самой.

Пока в квартире мужа не закончен ремонт, моя коллега живёт у его родителей и каждый день приходит и жалуется, что ей там неудобно, тесно и к тому же съедают её продукты. Долго возмущалась, что съели грейпфрут. Как-то спросила у неё, что ты ходишь с набитым пакетом, что там носишь?

– Кефир, я хожу обедать к маме. А то выпьют мой кефир. Двадцать семь лет, а ходит обедать к маме!

– Маме твоей ещё и на тебя надо готовить, не даёшь ей отдыха.

– А что ей делать после работы?

– К тому же она тратит свою зарплату, а ты говорила, что получает мало.

– Она же ещё получает пенсию. А свою зарплату я откладываю, трачу в редких случаях.

– А, что у тебя странное в прозрачном пакетике?

– Это я нарвала туалетную бумагу в нашем туалете. Рву-рву, слышу кто-то ручку дёрнул, думаю, наверное Кира идёт тоже рвать бумагу.

Тут я уж промолчала, потому что комментировать не имело смысла.

31 октября 2017 г.

Школа

В соседнем городке есть школа, конечно, не одна она. Эта же носит громкое – лицей! Но сад яблоневый только там. Не сказать, что очень большой, но деревьев больше десятка наберётся. Вы думаете, вот здорово, школьникам повезло, полакомятся яблочками. Но не тут-то было. Нет, яблоки есть и много, все яблони усыпаны, а сколько попадало. Разных оттенков: зеленоватые, желтоватые, с розовыми бочками. Все аппетитные, так и хочется съесть. Да съесть можно, но не детям. На то у школы нет лицензии! Поэтому такие румяные и наливные, такие полезные фрукты похоронены – отправлены гнить под землю. Именно. Вырыли ямы, сгребли туда яблоки, потом закопали...

* * *

Уже давно школы по-разному красиво называются. Но, несмотря на красивые слова, вряд ли есть что-то общее с той, например, в которой учился Пушкин. Хотя, кто их знает, как там было тогда. Но у нас в лицее сейчас в середине второго десятилетия XXI века вместо ручки на двери в туалете у девочек привязана верёвочка. Краны, наверное, ровесники зданию, а ему исполнилось пятьдесят шесть лет. Текут периодически, а один из них так и вовсе не хочет останавливать воду, аж бедную раковину прорезала нет не трещина, а широкая буро-охристая полоса, не отмываемая от ржавой воды.

Второй кран частенько подвывает, особенно, при ожидании, когда же польётся вода. Третий кран разбрызгивает воду, что лейки и пульверизатора не надо. Хочешь помыть руки или налить воды в чайник, а тебе, пожалуйста, примите душик, мол, вас несколько сбрызнем, чтоб не усохли.

Вы когда-нибудь видели пол из фанеры. Я так в первый раз. Здесь, в школе, точнее в библиотеке лицея. Когда-то, возможно, несколько десятилетий назад его красили. Потом для сохранности положили палас, но на весь пол его не хватило. Пыли он впитал похоже килограммы. Извлекли, изъ-яли, возможно, уничтожили. Теперь пол покрыт патиной. А, что, ведь модно! Пatina эта – стёршаяся краска на фанерном полу. Да еще местами обнажились куски серой и светлой фанеры. Пока ещё светлой, но сереет она быстро. От пыли. Откуда эти куски? Под давлением ног, стульев, кресел отслаиваются пласты фанеры, ломаются, расщепляются.

31 октября 2017 г.

* * *

Библиотекарь подошла к зам. директору лицея по хозяйственной части.

– Можно сделать ксерокопию паспорта?

– Сколько листов?

– Четыре.

– О-о-о! У вас в библиотеке всё есть, – бросила она с таким видом, будто библиотекарь решила из её квартиры мебель вынести к себе домой, и тут же добавила снисходитель-

но, – надо только заплатить семьсот рублей и вам настроят.

– Свои надо отдать?

– Конечно.

– ...

* * *

– Как на работе?

– По-разному. На днях проводила урок о Великой Отечественной войне с 5-ми и одним 7 классом, так никто не смог ответить, что Великая Отечественная война – это часть Второй Мировой войны. Совершенно не знают, кода Вторая Мировая война началась и когда закончилась, понятия не имеют как начиналась.

Сегодня проводила мероприятие с 11Б классом, рассказывала о писателях-фронтовиках, которые были их ровесниками, когда началась Великая Отечественная война. Так совершенно лица непрошибаемые, равнодушные. Хорошо, что хоть не шумели, классный руководитель просила их перед тем, как уйти, чтобы слушали. Да, сидели тихо, но ничего до них не доходило. Это видно же. Один на первой парте улегся спать, а второй, рядом с ним постоянно в телефон смотрел и стал хихикать потихоньку. Я не выдержала и говорю: «Имей уважение к людям, которые своей жизнью рисковали, чтобы ты сейчас мог сидеть и смотреть в телефон». Он на несколько минут перестал ухмыляться, а потом, видимо, опять что-то в телефоне его увлекло.

– Какая тебе разница, – говорит мне приятельница. – Про-

вела свой библиотечный урок и ладно.

– Как какая разница! Я расстроилась, потому что подумала, может быть им неинтересно, хотя я кроме информации, которой было немало ещё и на слайды подобрала картинки этих писателей, когда они в военное время юные с медалями и орденами, электронные выписки из награждений, афиши фильмов по их произведениям и сами обложки книг. Но ничего не трогает. Ведь они эти писатели раненые были, двое из них по полгода пролежали в госпиталях, ещё один прошёл несколько лагерей военнопленных, но всё же ему удалось убежать во второй раз. И ничего не задело нынешних старшеклассников. Я всё думаю, как надо организовать подобное мероприятие, чтобы они заинтересовались. Есть, конечно всякие литературно-музыкальные формы, но я приерженец в большей степени лектория с визуальным рядом.

– Выбрось из головы. Ты своё дело сделала.

– Ну, как же. А вдруг снова война, как они себя поведут? Что будет с будущем России, когда вместо нас останутся равнодушные?

– О, она о будущем России беспокоиться!.. Ты о своём будущем побеспокойся. А у этих ребят есть учителя, есть родители...

12 декабря 2017 г.

* * *

Заказ учебников для школы дело непростое, когда есть выбор из разных учебных комплексов, учебных линий и, со-

ответственно авторов, групп авторов.

– Так к чему пришли? Какой учебник по истории для 9 класса заказываем? – спрашивает библиотекарь у двух учителей истории.

– Вы поймите, – в сердцах продолжает доказывать Н. В. – Какой бы учебник не заказали, это всё равно, что кот в мешке.

– Почему? – искренне недоумевает библиотекарь.

– Потому что мы поймём: хорош учебник или плох, когда с ним поработаем. Заказываем, а его то и не видели... – вторая учительница, Е. Н. согласно кивает.

– Вот вам обложка, – библиотекарь в поисковой системе интернета нашла один из предлагаемых учебников. – Вы же тоже можете найти в интернете. А ещё лучше поехать в Москву и в любом большом книжном магазине полистать и даже почитать.

– Ну, вот ещё! – возмутилась Н. В., а Е. Н. произнесла какой-то звук между оханьем и вздохом. Н. В. продолжила, – Ехать! Значит, потратить на дорогу пять часов! (имеется в виду туда и обратно). И за свои деньги...

– Да, тысячу потратишь, – добавила Е. Н.

– По Москве прогуляетесь, тоже приятно.

– Да, пошла эта Москва, нужно мне туда ездить! – продолжала возмущаться Н. В.

– Зато определитесь с преподаванием, по каким учебникам лучше...

– Оно мне это надо! – не унималась Н. В. – как скажут, по тем учебникам и будем учить, – и откинулась на спинку стула, словно в изнеможении.

– У нас есть методист, – напомнила Е. Н., – если что спросим у неё.

* *

*

Идёт защита проектов среди классов, действия ребят, конечно же контролировали классные руководители. 6А представил неплохую работу, но на одном из слайдов написано:

«В нашем классе 26 семей

Из них 18 семей работают на металлургическом заводе...»

Конечно, можно понять, что имели те, кто написал эту фразу, но, что увидели те, кто прочитал её...

* * *

У учеников 6Б новый классный руководитель спрашивает:

– Ребята, каких героев Великой Отечественной войны вы знаете?

В ответ молчание, потом один за другим начинают говорить:

– Илья Муромец... Добрыня Никитич... Алёша Попович...

– ?.. – учитель в недоумении и ужасе, потом решает, что ребята пошутили и после некоторого разъяснения становится ясно, что они не шутили...

Родители

Как-то летом в здание автовокзала городка В М... области вбежали три девочки, лет 7-10, за ними вошли две женщины.

– Мама, – шепчет одна из девочек, – мы в туалет ходим.

– Щась! Разбежалась, – огрызнулась женщина. – Потёрпите!

Девочки растерянно переглянулись, но не решились спорить и молча последовали за недовольной женщиной на перрон, хотя туалет был за углом, не более чем в двух десятков шагов. Туалет платный, тридцать рублей за вход.

14 ноября 2017 г.

Пассажиры

Еду в автобусе на работу и каждый день наблюдаю, как молодёжь и школьники устремляются к свободным сидениям, когда открываются двери, а пожилые стоят возле них. И это типичная картина, ежедневная. Едут молодые и смотрят в телефоны, так им невтерпёж что-то там выяснить или поиграть, а рядом стоят в двое и более старше их. Людям в возрасте неудобно сделать замечание, сказать, чтобы уступили место, а молодым не стыдно и не совестно сидеть, будто так и положено. В метро постоянно объявляют напоминание, чтобы уступали место пожилым, но слышат ли, слушают ли?.. Еду, стою и смотрю. Нет, конечно, не вся молодёжь такая, некоторые даже не садятся при свободных местах, но их меньшинство. Каждый день вижу мальчика, лет десяти. Часто за ним наблюдаю. В октябре, когда было уже холодно, он обычно шёл к остановке небрежной походкой в расстёгнутой куртке с видом, что ему всё нипочём. В ноябре стал носить трикотажную шапку, сдвинутую на затылок, тоже своего рода демонстрация бравяды. Уже теперь, когда он ещё юный ощущается его завышенная самооценка и, будто даже избранность, такой у него вид отрешённо-высокомерный. Скорей всего избалованный в семье, привык, что ему потакают.

Этот мальчик мне ничего плохого не сделал, но я его не

люблю, он меня раздражает. Сидит он в который раз, опершись рукой о край окошка автобуса, на ладони пухлая щека, разместился в кресле вальяжно, будто у себя дома или занял законное для него место и листает своё смартфон, потом о чём-то думает и думает ли вообще. А рядом стоит женщина, лет ей под шестьдесят, если не больше.

Кто-то скажет, он же ещё мальчик, пусть посидит. Да, мальчик, он едет в школу, где несколько часов будет сидеть, а женщина рядом едет на работу и, может быть сидеть за столом ей не придётся, а часть сил она растратила уже в пути.

Эта жалось к подобным мальчикам и девочкам на самом деле потакание эгоизма и самовлюблённости. Конечно, в первую очередь всё это начинается в семье. Родители! Кого вы воспитываете? Иждивенцев? Людей с отсутствием сострадания и ответственности, уважения к старшим и самостоятельности? Потом не жалуйтесь, что дети вас обижают и не сочувствуют вам.

14 ноября 2017 г.

Ненавистные контролеры

Кто не встречал контролеров в транспорте? Пожалуй, таких и не найдётся. Вспомните свою реакцию на них. Да, контролеров никто не любит. Ни пассажиры, ни сотрудники транспорта.

Пока несколько слов о контролерах среди автобусов, в основном городских. В городах М... области, особенно ближе к окраинам до сих пор в автобусах кондукторы, так больше всего именно кондукторы и ненавидят контролёров. Кондукторы в основном пожилые женщины и часто властно ведут себя в салоне автобуса, особенно те, кто работает давно. Они себя ощущают чуть ли не хозяйками. Хотя, если приглядеться, то хозяйки-то плохие. Ведь хозяйка должна следить за всем, а что можно увидеть: салон автобуса пыльный, даже на окнах изнутри налёт не то сажи, не то пыли, затёртые сиденья, кое где оборванные. Вы скажете, что это не входит в обязанность кондуктора, её дело выдать билет. Конечно, и в данном случае речь не об этом.

И вот кондуктор едет вместе с пассажирами и ощущает себя, можно сказать начальником над ними, потому что требует от них плату за проезд, порой выговаривает и часто за дело, бывает несправедливо и резко, даже грубо. При этом уверена в своей правоте и непогрешимости.

Входит очередная пассажирка и вместо проездной карточ-

ки «Стрелка» предъявляет удостоверение контролёра и просит показать билеты и социальные карты. Кондуктор меняется в лице, сжимает губы и вся в напряжении продолжает обилечивать входящих пассажиров, выдавливая из себя: «пожалуйста, оплачивайте проезд». Затем контролёр заполняет особый листок и тетрадь. Листок отдаёт кондуктору. По поводу замеченных нарушений пишет акт. Едут к конечной. Пассажиры выходят. Автобус, не берёт новых пассажиров, закрывает двери чуть ли не перед носом контролёра, разворачивается и направляется в гараж, то бишь автобусный парк. Что это? В это время кондуктор мечется с возмущёнными восклицаниями по салону. В гараже двери открываются, водитель и кондуктор требует, чтобы контролёр уничтожила акт. Контролёру страшно, но пытается вида не показывать. Разборки какое-то время продолжают. Кондуктор пишет ответную жалобу в вышестоящую инстанцию на контролёра. А контролёр надеется, что камеры в салоне автобуса работали и зафиксировали истинную ситуацию. К тому же её увезли туда, куда она не собиралась ехать. И такое поведение водителя можно расценить как похищение, а это уже уголовное преступление.

Вышестоящая инстанция разбирает акт, жалобу, видео с камер, благо они работали. Им уже не впервой подобные случаи и, конечно, они на стороне контролёра, так как у него нет никакой выгоды придирается. А вот кондуктор и водитель – люди, живущие в маленьких городках или в ближай-

ших к ним деревнях любой ценой стараются, чтобы их не уволили и могут пойти на нарушения и сокрытия их. Хотя надо признать, что некоторые представители вышестоящей инстанции и контролеры тоже не всегда ведут себя, мягко говоря, по-ангельски.

28 ноября 2017 г.